

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ш42

Серия «Шелдон-exclusive»

Sidney Sheldon
THE OTHER SIDE OF ME

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Серийное оформление *Е.Д. Фerez*

Компьютерный дизайн *О.В. Жуковой*

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited
Partnership и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Шелдон, Сидни.

Ш42 Обратная сторона успеха : [роман] / Сидни Шелдон ; [пер. с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Шелдон-exclusive).

ISBN 978-5-17-101108-6

Как стать знаменитым писателем?

Как превратить свою жизнь в захватывающий, увлекательный роман?

Как пробиться из нищеты и безвестности к мировой славе?

И какова обратная сторона блистательной карьеры?

Сидни Шелдон раскрывает вам секреты своего феноменального успеха!

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101108-6

© Sidney Sheldon Family Limited
Partnership, successor to the Rights and
Interests of Sidney Sheldon, 2005

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2017

*Моим любимым внучкам
Лиззи и Ребекке.
Пусть они узнают,
какое волшебное путешествие я совершил.*

Он, в семействе которого не имелось ни глупцов, ни негодяев, ни нищих, был порожден вспышкой молнии.

*Томас Фуллер,
английский священник XVII века*

Глава 1

В семнадцать лет я служил рассыльным в аптеке-закусочной «Афремоу» и считал, что мне крупно повезло, поскольку там можно было без особых хлопот стащить таблетки снотворного в достаточном количестве, чтобы покончить с собой. Собственно говоря, я не знал, сколько именно таблеток мне потребуется, поэтому наугад остановился на двадцати и старался не прикарманивать больше чем пару-тройку за один раз, чтобы не возбудить подозрений фармацевта. Я читал, что комбинация виски и снотворного считается убийственной, и намеревался смешать и то и другое, чтобы уж было наверняка.

Наступила суббота. Та самая суббота, которую я ждал. Родители собирались уехать на уик-энд, мой брат Ричард сказал, что переночует у друга. Квартира опустеет, и никто не помешает моим планам.

В шесть вечера фармацевт объявил, что пора закрыться.

Он и понятия не имел, насколько прав! Пора прикрыть все, что я считал неправильным в своей жизни. Правда, я знал, что дело не только во мне. Вся страна была больна.

Шел 1934 год, и Америка переживала опустошающий кризис. Биржевой рынок потерпел крах пять лет назад, ты-

сячи банков обанкротились, а вместе с ними множество предприятий и фирм. Более тринадцати миллионов людей потеряли работу и находились на грани отчаяния. Размеры зарплат катастрофически уменьшились, и имеющим работу счастливицам выплачивали не более никеля* за час. По стране бродили миллионы бездомных, двести тысяч из них составляли дети. Мы попали в тиски губительной депрессии. Бывшие миллионеры кончали жизнь самоубийством, а руководящие работники и администраторы продавали яблоки на улицах. Самой популярной песней стало «Унылое воскресенье». Я до сих пор помню один куплет:

*Унылое воскресенье
С тенью я провожу.
Я и сердце мое
Решили покончить со всем.*

Мир был окрашен в серые тона, и это вполне соответствовало моему настроению. Я барахтался в бездне отчаяния и больше не видел смысла в своем существовании. Чувствовал себя потерянным и выбитым из колеи. Несчастливым и одиноким. И всеми силами души желал того, что не мог ни определить, ни назвать.

Мы жили около озера Мичиган, всего в нескольких кварталах от берега, и как-то ночью я пошел туда, чтобы немного успокоиться. Дул сильный ветер, небо было затянуто облаками.

Я поднял голову и громко сказал:

— Если Бог есть, пусть покажется мне!

И тут же, к моему изумлению, тучи стали стягиваться, сливаться, образуя гигантское лицо. Внезапная вспышка молнии — и лицо словно глянуло на меня грозными сверкающими глазами. Я в панике бежал до самого дома.

* Монета в пять центов (жарг.). — Здесь и далее примеч. пер.

Наша семья жила в маленькой квартирке на третьем этаже на Роджерс-Парк. Великий шоумен Майк Тодд как-то сказал, что он не раз разорялся, но никогда не чувствовал себя бедняком. В отличие от него я постоянно чувствовал себя бедняком, потому что мы жили в унижительной, жестокой бедности, когда в разгар холодной зимы и в сильные морозы приходилось отключать отопление, чтобы сэкономить деньги, и выключать свет, выходя из комнаты, а также выдавливать из бутылки кетчупа и из тюбика с пастой последние капли. Но я решил уйти от всего этого.

Когда я добрался до убогой квартирки, там никого не было. Родители уже уехали, а брат поспешил скрыться.

Я вошел в маленькую спальню, которую делил с Ричардом, и осторожно вытащил из-под комода пакет с таблетками. Потом отправился на кухню, взял с полки бутылку отцовского бурбона и отнес в спальню. Посмотрел на таблетки и виски, гадая, скоро ли они подействуют, налил немного спиртного в стакан и поднес к губам. Главное — не позволять себе задумываться над тем, что делаю!

Я глотнул виски, обжег нёбо и горло и едва не задохнулся. Немного придя в себя, я набрал в горсть таблеток и уже хотел сунуть в рот, и тут послышался голос у меня за спиной:

— Что это ты делаешь?

Я повернулся, пролив виски и рассыпав часть таблеток.

В дверях стоял отец.

— Не знал, что ты пьешь, — заметил он, шагнув ближе.

Я ошарашенно уставился на него.

— А... я думал, что вы уехали.

— Я кое-что забыл. Повторяю: что это ты делаешь? — процедил он, отбирая у меня стакан.

— Н-ничего, — пролепетал я, окончательно растерявшись.

Отец нахмурился.

— На тебя это не похоже, Сидни. Что стряслось? — повторил он и, только сейчас заметив пригоршню таблеток, окончательно вышел из себя. — Господи, что здесь происходит? Что это такое?

Мои мысли лихорадочно метались, но сколько-нибудь правдоподобное объяснение так и не подвернулось. Поэтому я вызывающе выпалил:

— Это снотворное! А что?

— Зачем оно тебе?

— Собираюсь... покончить с собой.

Последовало долгое молчание.

— Я понятия не имел, что ты так несчастлив, — наконец медленно выговорил отец.

— И ты меня не остановишь. А если и остановишь, я все равно сделаю это завтра.

Отец снова помедлил, пристально глядя на меня.

— Это твоя жизнь, и ты можешь делать с ней все, что захочешь, — вздохнул он и, поколебавшись, добавил: — Если не слишком спешишь, почему бы нам не прогуляться немного?

Я точно знал, о чем он думает. Недаром отец был продавцом. Наверняка попытается меня отговорить. Только у него не было ни малейшего шанса. Я сам решил, что мне делать!

— Ладно, — согласился я.

— Надень пальто, иначе простудишься.

Что за глупость! Мне ли, без пяти минут мертвецу, бояться простуды!

Я невольно улыбнулся.

Уже через пять минут мы с отцом шагали по насквозь продуваемым ветром улицам, с которых мороз прогнал всех пешеходов.

После очередной долгой паузы отец попросил:

— Расскажи мне все, сынок. Почему ты хочешь покончить с собой?

С чего начать? Как объяснить, насколько одиноким и обделенным я себя чувствовал?

Я отчаянно хотел чего-то... чего-то, чему не мог подобрать названия. Может, прекрасного будущего? Но прекрасного будущего у меня быть не могло. Несмотря на волшебные фантазии, к концу дня я неизменно оставался рассыльным из аптеки.

Я мечтал пойти в колледж, но на это не было денег. Мечтал стать писателем, даже написал несколько десятков рассказов и отослал в журналы «Стори», «Кольерз» и «Сэтеди ивнинг пост». И отовсюду получал стандартные бланки с отказами.

Вот я и решил, что не могу провести остаток жизни в этом беспросветном мраке.

— ...и в мире есть столько чудесных мест, которых ты не видел, — продолжил за меня отец.

Я постарался не слушать его, словно выключил звук приемника. *Если он уедет сегодня, я смогу завершить начатое.*

— Тебе наверняка понравится Рим...

Если он попытается остановить меня сейчас, сделаю это, когда он уберется, — упорно думал я, почти не слыша, что талдычит отец.

— Сидни, ты сам говорил, что больше всего на свете хочешь стать писателем.

Я мигом насторожился.

— Это было вчера.

— А как насчет завтра?

— Что? — опешил я.

— Ты не знаешь, что может случиться завтра. Жизнь — как роман, понимаешь? Полна тайн и не-

определенности. Держит в напряжении. И ты никогда не узнаешь, что будет дальше, пока не перевернешь страницу.

— Я знаю, что будет дальше. Ничего.

— А вот это еще неизвестно. Каждый день — это новая страница, которая может быть полна сюрпризов. Повторяю, ты никогда не узнаешь, что будет дальше, пока не перевернешь страницу.

Я задумался. В чем-то он был прав. Каждое завтра действительно похоже на следующую страницу романа.

Мы свернули за угол и пошли дальше.

— Если ты действительно собрался покончить с собой, Сидни, я способен буду понять. Но не хотелось бы видеть, как ты закрываешь книгу, не дочитав до конца и упустив все то важное, что может произойти с тобой на следующей странице, странице, которую предстоит написать тебе.

Не закрывай книгу слишком скоро. Неужели я действительно готов закрыть ее слишком скоро? Ведь что-то чудесное вполне может произойти завтра.

Либо отец имел дар убеждения, либо я не так уж стремился оборвать свою жизнь, но ближе к концу следующего квартала я решил отложить исполнение плана.

При этом оставил за собой право выбора.

Глава 2

Я родился в Чикаго, на кухонном столе, сколоченном моими собственными руками. Так по крайней мере утверждала моя мать Натали. Натали была моей Полярной звездой, моей утешительницей, моей защитницей. Я был ее первенцем, и она всегда относилась к факту моего рождения как к чуду. Она и говорить не могла обо мне без помощи тезауруса. Я был умен, талантлив, кра-

сив и остроумен — и все это еще до того, как мне исполнилось полгода.

Я никогда не называл родителей папой и мамой. Они предпочитали «Натали» и «Отто», возможно, потому что это возвращало им некую иллюзию молодости.

Натали Маркус родилась в российском селе Славитка* под Одессой еще при последнем царе. Когда девочке было десять лет, ее мать, Анна, спасаясь от еврейских погромов, увезла ее в Америку.

Натали была настоящей красавицей: рост пять футов пять дюймов, мягкие каштановые волосы, умные серые глаза и прелестное лицо. Она обладала душой романтика и богатой внутренней жизнью. Образования она не получила, но научилась читать, любила книги и классическую музыку, мечтала выйти замуж за принца и объездить весь мир.

Но ее принцем оказался Отто Шехтель, чикагский хулиган, бросивший школу после шестого класса. Отто был красив и обаятелен, легко понять, почему Натали так к нему потянуло. Оба были мечтателями, вот только мечтали о разном. Натали грезила о романтическом мире с замками в Испании и прогулками в венецианской гондоле под лунным небом. Фантазии Отто чаще всего касались очередного плана мгновенного обогащения. Кто-то сказал, что для успеха в писательском ремесле необходимы бумага, перо и трудное детство в неблагополучной семье. Меня воспитывали сразу две такие семьи.

С одной стороны — клан Маркусов: два брата, Сэм и Эл, и три сестры, Полин, Натали и Фрэнсис.

С другой — Шехтели: два брата и пять сестер — Гарри, Отто, Роуз, Бесс, Эмма, Милдред и Тилли.

В оригинале — Slavitka. Название явно искажено.

Шехтели, все как один, были экстравертами, сердечными, общительными и находчивыми. В отличие от сдержанных, скрытных интровертов Маркусов.

Обе семьи были не только совершенно разными. Они не имели абсолютно ничего общего. Вероятно, поэтому судьба и решила позабавиться.

Гарри Шехтель женился на Полин Маркус. Отто Шехтель, женился на Натали Маркус. Тилли Шехтель вышла замуж за Эла Маркуса. И словно всего этого было недостаточно, Сэм Маркус женился на лучшей подруге Полин. Словом, сплошная брачная лихорадка.

Гарри, старший брат Отто, был наиболее выдающимся членом клана Шехтелей: рост пять футов десять дюймов, мускулистый, сильный, с властным характером. Родись он итальянцем, из него вышел бы прекрасный *consigliere**. Именно к нему шли за советом Отто и остальные члены семьи. У Гарри и Полин родились четверо мальчишек: Сеймур, Эдди, Говард и Стив. У нас с Сеймуром разница была всего полгода, но он всегда казался гораздо старше своих лет.

Эл в семействе Маркусов был признанным кутилой и весельчаком, остроумным, обаятельным красавчиком, любившим карты и женщин, в отличие от Сэма, солидного, уже не слишком молодого бизнесмена, не одобрявшего образ жизни Маркусов. Сэм занимался тем, что арендовал гардеробные в различных чикагских отелях.

Иногда мои дяди, собираясь вместе, отходили в уголок и заводили разговор о таинственной штуке, называемой сексом. На мой взгляд, звучало это потрясающе. Оставалось молиться, чтобы этот самый секс не исчез, прежде чем я вырасту.

Отто, мой отец, был мотом, обожавшим бросать деньги на ветер, независимо от их наличия или отсутствия. Не раз он приглашал дюжину гостей в дорогой ресторан,

* Советник (*ит.*). Второй человек в мафиозной семье.

а когда приносили счет, занимал деньги у одного из них, чтобы этот самый счет оплатить.

Натали терпеть не могла одалживать или брать взаймы. Она обладала ярко выраженным чувством долга, и, становясь старше, я все отчетливее понимал, насколько они друг другу не подходят. Мать была несчастна, поскольку имела глупость выйти за человека, которого не уважала и который совершенно не интересовался ее внутренней жизнью. Мой отец женился на сказочной принцессе и, совершенно сбитый с толку, так и не смог прийти в себя от изумления, когда медовый месяц закончился.

Они постоянно спорили, то есть спорами это нельзя было назвать. Скорее бурными и шумными скандалами. Безошибочно находили слабые места друг друга и били туда, чтобы ранить наверняка. Ссоры становились настолько серьезными, что я сбегал из дома в библиотеку, где погружался в спокойные безмятежные миры книг о мальчиках Харди* и Томе Свифте**.

Однажды, вернувшись домой из школы, я снова стал свидетелем, как Отто и Натали осыпали друг друга грязными ругательствами. И тут я решил, что больше такого не вынесу. Мне требовалась помощь. И я отправился к тете Полин, сестре Натали, милой, любящей пышечке, доброй, прагматичной и умной. Она, едва взглянув на меня, тут же спросила:

— Что случилось?

Я захлебывался слезами:

— Это Нат и Отто! Они все время ругаются! Не знаю, что мне делать.

Полин нахмурилась:

— Ругаются? При тебе?

* Братья Фрэнк и Джо Харди — персонажи серии приключенческих книг для юношества.

** Герой серии романов для детей.

Я кивнул.

— Ладно. Я скажу, что делать. Они оба любят тебя, Сидни, и не хотят ранить, так что, когда в следующий раз начнут скандалить, подойди и скажи, что больше не хочешь слышать ничего подобного и просишь не ругаться при тебе. Сумеешь?

— Да.

Совет тети Полин сработал.

Натали и Отто орали так, что стены тряслись, когда я подошел к ним и попросил:

— Не делайте этого больше. Пожалуйста, не кричите при мне.

Оба мгновенно опомнились.

— Конечно. Ты прав, дорогой. Больше такое не повторится, — пообещала Натали.

— Прости, Сидни. Мы не имеем права перекладывать на тебя свои проблемы, — добавил Отто.

После этого случая скандалы хоть не прекратились, но по крайней мере не выходили за пределы спальни.

Мы то и дело переезжали из города в город, поскольку Отто постоянно искал работу. Когда кто-то спрашивал меня, чем занимается отец, ответ неизменно зависел от того, где мы находились. В Техасе он служил у ювелира, в Чикаго — в магазине одежды, в Аризоне работал на истощившемся серебряном руднике, в Лос-Анджелесе — в бакалейной лавке.

Дважды в год Отто вел меня покупать новую одежду. «Магазином» служил грузовик, припаркованный в тихом переулке и набитый прекрасными костюмами, причем совершенно новыми. На некоторых даже болтались ярлычки с ценой, и, кстати говоря, вся одежда была поразительно дешевой.

В 1925 году, когда мне исполнилось восемь лет, родился мой брат Ричард. В то время мы жили в Гэри, штат

Индиана, и я помню, как был счастлив получить брата, союзника в борьбе с темными силами моей жизни. Это было одним из наиболее волнующих событий в этой самой жизни. И я заранее строил грандиозные планы для нас обоих, и мне так хотелось, чтобы он побыстрее вырос. Ну а пока я возил его в коляске по всему Гэри.

Во время Великой депрессии наше финансовое положение чем-то напоминало сцены из «Алисы в Стране чудес». Отто постоянно был в отъезде, пытаясь проверить очередную мегасделку, пока мы с Натали и Ричардом жили в убогой тесной квартирке. Иногда он внезапно сваливался нам на голову и объявлял, что только сейчас заключил контракт, который принесет ему не меньше тысячи долларов в неделю, и не успевали мы оглянуться, как уже располагались в шикарном пентхаусе и в другом городе. Все как в волшебном сне.

И кончалось все так же быстро, как сон, потому что через несколько месяцев Отто терпел неизвестно какой по счету крах и мы снова оказывались в маленькой квартирке, но уже в другом городе.

Я чувствовал себя вечным беженцем. Если бы мы желали занять семейный герб, на нем следовало изобразить автофургон на дороге. До того как мне исполнилось семнадцать, я успел побывать в восьми городах и поучиться в восьми разных классах начальной и трех классах средней школы. И всегда оставался новеньким: в квартале, в классе, в городе. Оставался чужаком.

Продавцом Отто был гениальным, и, стоило мне прийти в новую школу в очередном городе, он в первый же день вел меня к директору и почти всегда уговаривал того перевести меня в более старший класс. В результате я вечно оказывался самым маленьким в классе, что тоже мешало завести друзей. Следствием стали непреодолимая застенчивость и комплекс неполноценности. Я сторонился одноклассников, делая вид, что люблю одиночество.